

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

УДК 340.12
ББК Х00

DOI: 10.14529/law160101

ПРИНЦИП ПОЛЕЗНОСТИ В ВОЗЗРЕНИЯХ И. БЕНТАМА

Д. С. Асташов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск,

А. В. Петров

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Статья посвящена принципу полезности во взглядах английского правоведа и экономиста Иеремии Бентама. Рассмотрены исторические истоки появления данного принципа, показывается его взаимосвязь с идеями софистской школы.

В статье раскрывается точка зрения И. Бентама на понятия «общество» и «индивидуум», право и закон, «удовольствие» и «страдание», свобода действий и ограничение свободы, права и обязанности.

На основе анализа разных работ, выявлена позиция И. Бентама, согласно которой главной целью правительства является увеличение удовольствий и уменьшение страданий как отдельной личности, так и всего общества в целом.

Также в статье выделяются четыре источника, из которых, по мнению И. Бентама, проистекают «удовольствия» и «страдания»: 1) физический, 2) политический, 3) нравственный и 4) религиозный, раскрывается их содержание.

Ключевые слова: принцип полезности, софисты, общество, удовольствие, страдание, право, закон.

Бентам Иеремия – английский юрист и социолог. Взгляды Бентама на задачи права в зрелый период творчества определялись утилитаристскими представлениями о полезности тех или иных норм, учреждений или мероприятий. Одним из главных трудов Бентама в области права стало философско-правовое исследование «Введение в основания нравственности и законодательства» (1789 г.), которое является предисловием к проектам уголовного и гражданского кодексов. В этой работе он провозгласил принцип полезности основным побудителем человеческой деятельности. Бентам утверждал, что разум дан человеку для того, чтобы он мог из всего объема удовольствий вычесть совокупность не-удовольствий и страданий, тем самым определять для себя меру человеческого счастья. Под общественным благом он понимал сумму личного блага всех индивидов, составляющих общество. Основной задачей законодателя он видел сочетание наказаний и поощрений, которое в свою очередь будет направлять поведение человека к достижению собственной

пользы. Таким образом, в обществе достигалось бы наибольшее счастье наибольшего количества людей [1, с. 388].

Принцип полезности берет свои истоки еще у представителей софистской школы. По мнению ее представителей, законы – это нормы справедливого и несправедливого, они сами находятся под влиянием произвола правителей, держателей законодательной власти. Согласно традиционному представлению именно в законах содержится высшая божественная санкция справедливости и добра, человеколюбия, благочестия. Но Гераклит, например, считал, что вечный и естественный закон определяется как закон всеобщей борьбы и вражды. Это – закон природы, находится выше человеческих понятий добра и зла и санкционирует неравенство индивидов в борьбе между собой.

Вследствие условности человеческих законов и порядков появляется вопрос о естественном основании и происхождении права и нравственности. Между тем не стоит забывать о существовании старинной идеи о вечном,

неписаном божественном праве и законе, вечной правде, – эту идею высказывал Гесиод, а ее отголоски мы находим в софистической литературе. Так называемая вера в закон как высшую, единственную власть в свободном человеческом обществе характеризует собою политические идеалы Периклова века. Относительно самого содержания естественного закона можно сказать, что мнения расходились как до, так и после софистов. Согласно исторически сложившемуся представлению в содержании естественного закона заключалась высшая божественная санкция справедливости, добра, верности долгу, человеколюбия, благочестия. Но уже для Гераклита, например, вечный и естественный закон определяется как закон всеобщей борьбы и вражды. Под естественным законом он видит закон природы, который стоит выше условных человеческих понятий добра и зла и санкционирует неравенство, обусловленное борьбою.

В эпоху софистов спор о естественном основании права и нравственности, об отношении природы к установлению естественного права, к положительным законам, волновал многих мыслителей. Законы, обычаи древнегреческих и варварских племен делаются предметом сравнительного изучения для массы ученых. Одни софисты, как Гиппий, противопоставляют естественный закон, который, по их мнению, сближает всех людей и делает их равными, человеческому «закону», который в свою очередь только вносит раздор в общество и принуждает людей жить вне законов природы. Другие софисты, как Протагор, видят в естественном праве лишь общую общественную борьбу и анархию и ищут основания нравственности в нормах и законах упорядоченного гражданского союза. Они считают, что мерой справедливого и несправедливого, доброго и злого является общество. И пока в каком-либо отдельном государстве что-то признается справедливым и добрым, то для этого государства так и есть, пока оно само не признает обратного [4, с. 250–251].

Бентам считал, что человечество находится под управлением двух главных властителей: страдание и удовольствие. Только у них есть право определять, что нам можно делать и что мы обязаны делать. Именно эти «властители» управляют нами во всех наших действиях. Они управляют нами во всем, что мы делаем: всякое усилие, которое мы можем

сделать, чтобы отвергнуть это подданство, послужит только к тому, чтобы доказать и подтвердить его. Принцип полезности, или, как его еще называют, принцип величайшего счастья и благоденствия, признает это подчинение и берет его в основание той системы, цель которой возвести здание счастья руками разума и закона [2, с. 4].

Под принципом полезности Бентам понимает тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью [2, с. 4]. В данном определении заключаются не только действия индивида, но и разнообразные действия правительства.

Под полезностью понимается то свойство предмета, благодаря которому он может приносить добро, счастье, выгоду и предупреждать зло, страдание, вред для той стороны, об интересе которой идет речь. Если вопрос стоит о целом обществе, то это должно быть счастье и удовольствие всего общества, если речь идет о частном лице, то полезность должна быть направлена на увеличение счастья и удовольствия отдельного лица [2, с. 5].

Под обществом Бентам понимает как некое тело, состоящее из частных лиц, которые являются его составными частями. Именно поэтому Бентам считает, что невозможно размышлять об интересах всего общества, не осознавая, что же под собой подразумевает интерес частного лица. Любое действие может способствовать интересу отдельного лица только тогда, когда он направлен на увеличение совокупности удовольствий или же уменьшение страданий. Именно поэтому действие может считаться сообразным принципу полезности (касаемо целого общества), когда его стремление увеличить счастье общества превосходит стремление уменьшить его. По мнению Бентама, мера правительства, которая представляет собой особенный род действия, совершаемого частным лицом или лицами, может считаться соответствующей принципу полезности тогда, когда ее стремление увеличить удовольствие общества выше, чем стремление это счастье уменьшить. Если человек считает, что данная мера правительства соответствует принципу полезности, то тогда ей можно придать статус закона или правила [2, с. 8].

В соответствии с мнением Бентама, предметы, распространяемые законодателем между членами общества, могут быть разделены на права и обязанности.

Права по своей сути представляют блага, пользу, то есть несут выгоду для тех, кто ими пользуется. Обязанности же наоборот несут в себе невыгоды и тяжести, для тех кто должен их выполнять. Хотя права и обязанности противоположны по своей сути, но возникают они в одно время и не могут существовать друг без друга. Именно поэтому Бентам считает, что закон не может наделить одних индивидов правом (благам), не наложив на других членов общества каких-либо обязанностей, связанных с данным правом.

По мнению Бентама, правительство при осуществлении своей деятельности должно чувствовать удовольствие при наделении кого-либо правами (блага), и, наоборот, чувствовать страдание при наложении обязанностей (зло). Следуя принципу полезности, оно не должно налагать никакой тяжести на лицо, если через это не наделяет его более ценным благом.

Создавая обязанности, закон ограничивает свободу: делает преступными такие действия, которые до ограничения были дозволены и не преступны, и это происходит двояким образом: либо через приказание, либо через запрещение чего-либо. Бентам считает, что эти ограничения свободы неизбежны. Установление прав, наложение обязанностей, охрана личности, жизни, чести, собственности, средств к существованию и даже охрана самой свободы иначе не возможны, кроме как в ущерб свободе [3, с. 320].

Но всякое ограничение свободы есть само по себе сильное страдание, независимо от тех бесконечно разнообразных неудобств и страданий, которыми может в частности сопровождаться то или иное из ограничений. Следовательно, не нужно налагать на свободу никакого ограничения, наделять кого-либо властью, устанавливать какой-либо принудительный закон, если на это нет достаточного частного основания, которое бы оправдывало ограничение свободы в данном случае. И так каждый принудительный закон имеет против себя следующее общее основание: он нарушает свободу. И одно только это основание, если бы не было никакого другого, уже само по себе достаточно, чтобы воздержаться от установления закона. Поэтому, намериваясь уста-

новить какой-либо закон, необходимо доказать, что не только существует достаточное частное основание для его установления, но и то, что оно имеет перевес над общим основанием, которое вообще против установления каких-либо законов.

«Наибольшее счастье как можно большего числа членов общества: вот единственная цель, которую должно иметь правительство», – считает Бентам [3, с. 321]. Другими словами, увеличение удовольствия членов общества и обеспечение их безопасности – это единственная цель, которую должен преследовать законодатель в своей деятельности. Это своего рода стандарт, в соответствии с которым каждый индивид, насколько это зависит от законодателя, должен быть заставлен формировать свое поведение. Но какая бы не была вещь, которую необходимо сделать человеку, положительно заставить его сделать ее можно только путем страдания или удовольствия. Посмотрев на эти два обширных предмета (то есть удовольствие, или, что одно и то же, свободу от страдания) в смысле конечных причин, необходимо будет взглянуть на страдание и удовольствие само по себе в смысле действительных причин и средств [2, с. 16].

Бентам выделяет четыре источника, из которых обычно возникают удовольствие и страдание: физические, политические, нравственные и религиозные. И в той мере, в какой удовольствия и страдания, принадлежащие каждому из этих источников, способны давать силу какому-нибудь закону или правилу поведения, все они могут быть названы санкциями [2, с. 16].

Согласно Бентаму, «санкция есть источник обязывающих сил или мотивов, то есть страданий или удовольствий, которые, будучи связанными с теми или другими способами поведения, действуют и являются единственными силами, которые могут действовать в качестве мотивов» [2, с. 17].

Бентам считал, что если страдание и удовольствие происходят или ожидаются в настоящей жизни и по естественному ходу природы, не будучи видоизменены преднамеренно вмешательством воли какого-нибудь человеческого существа или каким-нибудь чрезвычайным вмешательством Высшего невидимого существа, то можно сказать, что эти удовольствия и страдания происходят или относятся к физической санкции.

Если удовольствия и страдания происходят или ожидаются от какого-либо частного лица или группы лиц в обществе, которые избираются с особенной целью и носят, например, звание судьи, то можно считать, что удовольствия и страдания исходящие от данных лиц происходят от политической санкции.

Если они исходят или ожидаются от случайных лиц в обществе, к которым сторона, о которой идет речь, может иметь отношение в течение своей жизни, – по свободному расположению каждого человека, а не по каким-нибудь установленным или принятым с общего согласия правилам, то можно сказать, что они происходят от нравственной или общественной санкции.

Если удовольствия или страдания исходят или ожидаются от руки Высшего невидимого существа, в настоящей ли жизни или в будущей, то они происходят от религиозной санкции.

По мнению Бентама, удовольствия или страдания, которые могут ожидать от физической, политической или нравственной санкций, все они, если только могут ожидать, должны иметь ожидаемое исполнение в настоящей жизни. Удовольствия и страдания, которые могут ожидать от религиозной санкции, имеют ожидаемое исполнение и в настоящей и в будущей жизни.

Те, которые могут быть испытаны в настоящей жизни, естественно, могут быть такими, к каким способна человеческая природа в течение настоящей жизни; и из каждого из этих источников могут проистекать все удовольствия или страдания, к которым способна человеческая природа в течение настоящей жизни. Относительно этих последних, те из них, которые принадлежат одной из упомянутых санкций, не отличаются окончательно по своему роду от тех, которые принадлежат какой-нибудь другой из трех санкций; единственное различие между ними заключается в обстоятельствах, сопровождающих их совершение. Страдание, постигающее человека в

естественном и свободном ходе вещей, должно бы называться, например, бедствием; и в этом случае, если предположить, что оно постигло человека вследствие какого-нибудь его неблагоразумия, оно может быть названо наказанием, проистекающим от физической санкции. Но то же самое страдание, если оно навлечено по закону, будет тем, что называется наказанием; если человек подвергается ему от недостатка дружеской помощи, отказ в которой причинен дурным поведением или предполагаемым дурным поведением страдающего лица, будет наказанием, происходящим от нравственной санкции; если оно навлечено непосредственным вмешательством Провидения, то будет наказанием, происходящим от религиозной санкции [2, с. 18].

Таким образом, рассмотрев основные понятия и положения принципа полезности во взглядах Иеремии Бентама, мы делаем вывод, о том, что вся законотворческая деятельность правительства должна протекать в соответствии с принципом увеличения удовольствий каждого индивидуума, и соответственно всего общества в целом. Правительство должно стремиться к всеобщему благу в обществе, что в свою очередь невозможно сделать без причинения страданий для отдельной личности. А выявление баланса страданий и удовольствий, которые будут причинены нормой закона, отдельной личности и обществу в целом, – первостепенная задача правительства.

Литература

1. Антология мировой правовой мысли. Европа, Америка. XVII–XX вв. – М., 1999. – Т. 3. – 830 с.
2. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: РОССПЭН, 1998. – 414 с.
3. Бентам, И. Основные начала гражданского кодекса / И. Бентам. – СПб., 1867. – 380 с.
4. Трубецкой, С. Н. Курс истории древней философии / С. Н. Трубецкой. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1997. – 576 с.

Асташов Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: dmitriy sergeevich.astashov@mail.ru.

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: petrov_av2012@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 7 декабря 2015 г.

THE PRINCIPLE OF UTILITY IN THE VIEW OF J. BENTHAM

D.S. Astashov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,

A.V. Petrov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article considers the principle of utility in the view of the British economist and jurist Jeremy Bentham. Historical origins of this principle are examined. The interdependence of the principle and the sophistic school is shown.

The article reveals Jeremy Bentham's point of view on the concepts of "society" and "individual", the right and law, "pleasure" and "suffering", freedom of action and restriction of liberty, rights and responsibilities.

Based on the analysis of different works, the authors specify the standpoint of Jeremy Bentham, according to which the main objective of the government is to increase pleasure and decrease sufferings of the individual and the society as a whole.

Also, the authors mention four sources from which, according to Bentham, "pleasure" and "pain" derive: 1) physical, 2) political, 3) moral, and 4) religious. Their contents are revealed.

Keywords: *principle of utility, sophists, society, pleasure, suffering, law.*

References

1. *Antologiya mirovoy pravovoy mysli. Evropa, Amerika. XVII–XX* [Anthology of world legal thought. Europe Americas. XVII–XX]. Moscow, 1999, Vol. 3, 830 p.
2. Bentam I. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [Introduction to the foundation of morals and legislation]. Moscow, 1998, 414 p.
3. Bentam I. *Osnovnye nachala grazhdanskogo kodeksa* [Basic Principles of the Civil Code]. St. Petersburg, 1867, 380 p.
4. Trubetskoy S. N. *Kurs istorii drevney filosofii* [The course of the history of ancient philosophy]. Moscow, 1997, 576 p.

Astashov Dmitry Sergeevich – postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: dmitriysergeevich.astashov@mail.ru.

Aleksander Vasilievich Petrov – Doctor of Sciences (Law), Professor of Department of Theory and History of State and Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: petrov_av2012@mail.ru.

Received 7 December 2015.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Асташов, Д. С. Принцип полезности в воззрениях И. Бентама / Д. С. Асташов, А. В. Петров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 7–11. DOI: 10.14529/law160101.

FOR CITATION

Astashov D. S., Petrov A. V. The principle of utility in the view of J. Bentham. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 7–11. (in Russ.) DOI: 10.14529/law160101.